

Limba *Bibliei* lui G. Skorina constituie un exemplu de limbă hibridă, apărută în urma stabilirii de corespondențe între slavonă și bielorusă, cu elemente din cehă și polonă¹. Situația este, deci, asemănătoare cu cea a sanscritei budiste și jainiste, spre deosebire de sanscrita clasică. În *Biblie*, Skorina păstrează baza slavonă a textului, dar introduce și elemente pe care le ia din limba vorbită², nu numai din rusă, bielorusă etc., ci și din lituaniană, pe care el o cunoștea.

НЕКОТОРЫЕ УТОЧНЕНИЯ ОТНОСИТЕЛЬНО ХАРАКТЕРА СЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЛИТВЕ

(Резюме)

Данная статья посвящена малоисследованному вопросу о характере славянского языка литовской редакции, использованного в качестве языка официального, канцелярского, книжного (литературного), церковного и, отчасти, разговорного у этого балтийского народа в эпоху средневековья. Сначала автор рассматривает вкратце социально-исторические, политические и культурные условия, приведшие к водворению этого чуждого для литовцев языка, с тем, чтобы в дальнейшем остановиться преимущественно на сложной проблеме определения его подтипов в разные эпохи. Указывается, в частности, на то, что в одних памятниках русское влияние сильнее, чем в других, в которых, наоборот, преобладает влияние польского языка. К тому же в этом очень оригинальном литовском изводе книжнославянского языка имеются также лексические, фонетические, морфологические и синтаксические элементы, заимствованные из чешского, белорусского, украинского, немецкого, латинского, литовского (естественно) и даже латышского. Фактически, это своеобразный гибридный язык. Подробный лингвистический анализ его особенностей составит уже предмет другой работы.

По мнению автора настоящей статьи, книжнославянский язык Великого Княжества Литовского был в употреблении не только в официальных актах, в литературных или церковных произведениях. Для определенного круга лиц он являлся и разговорным языком, точно также как славянский язык в румынских княжествах. Вообще, рассматривая положение и судьбу славянского языка в средневековой Литве, автор постоянно имеет в виду аналогичное явление, характерное для Молдовы, Валахии и Трансильвании, выявляя как сходства, так и различия в использовании подтипов книжнославянской речи. В частности, по отношению к молдавской канцелярии поныне сохраняют свою силу наблюдения крупного румынского слависта И. Богдана, согласно которому, как и в Литве, эти акты и документы составлены на *западно-русском языке*. Остановливаясь на разнообразии терминов, предложенных учеными для наименования славянского языка, использованного в Великом Княжестве Литовском (*русский, западно-русский, старый западно-русский, старорусский, староболгарский, славянский, церковнославянский, украинский, белорусский, кривический, польско-русский, славяно-польский, литовский, литовско-русский*), автор подчеркивает, что в данном случае больше всего подходит последнее название, хотя в сущности этот вопрос не представляет такого огромного значения. Положение коренным образом меняется в XVI—XVII вв., когда *польский язык* вытесняет из письменности так называемый *литовско-русский*, что, фактически, приводит сначала к образованию просуществовавшего определенное время смешанного типа речи, состоящего из литовско-русских и польских элементов. Постепенно польское влияние становится господствующим, официальный язык Великого Княжества Литовского теряет свои характерные черты и на смену ему приходит, естественно, польский. Это длится до XVII в. Параллельно, начиная с XVI в. (1547 г.) появляются памятники на литовском языке, что неизбежно привело к существенным изменениям в соотношении сил и прав балтийского и славянского начал.

¹ *Ibidem*, p. 234. Multe cuvinte rusești introduce G. Skorina în cărțile editate la Praga și Vilnius (cf. și A. Anuškin, *op. cit.*, p. 6), fapt relevat, la 1888, de P.V. Vladimirov în monografia consacrată vieții și activității acestui cărturar bielorus, monografie citată de noi mai sus.

² Cf. N.I. Tolstoj, *op. cit.*, p. 241—242.